

УДК 81'11
DOI 10.52452/19931778_2024_3_225

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ «ФИНИТНОСТЬ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

© 2024 г.

Р.В. Сычев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

r-sychev@inbox.ru

Поступила в редакцию 27.04.2023

Статья посвящена истории понятия «финитность» и его осмыслению в современном языкознании. Предлагается анализ наиболее релевантных источников от древнеавилонской, древнеиндийской и античной традиций до наших дней. В контексте понимания финитности рассматриваются шумеро-аккадские сопоставительные таблицы парадигм спряжения глаголов. В грамматике санскрита Панини анализируется представление о характере связи сказуемого и аргументов: карака и вибхати. Обсуждается учение Аполлония Дискола о формах глагола. Предпринимается попытка дистрибутивного анализа терминов Присциана Грамматика *finitus/infinitus/definitus*. Выявлено, что термин *finitus* употреблялся автором в контексте количественной и качественной ограниченности, а также призван отличать «собственно форму» от её частного выражения. Также анализируется понимание финитности в современных формальных и функциональных лингвистических теориях. Делается вывод о том, что современная лингвистика сосредоточена не столько на содержании понятия «финитность», сколько на его практической применимости к отдельным языкам.

Ключевые слова: финитность, грамматика Панини, Аполлоний Дискол, грамматика Присциана, *finitus, infinitus, definitus*.

Введение

Термин «финитность» происходит от латинского *finitus* – законченный, ограниченный. Под «законченностью, ограниченностью» понимается обладание определённым набором признаков, например показателями времени, аспекта и т.п. Традиционно предлагается различать финитность как морфологическое или дистрибутивное свойство глагола, либо как дискурсивное свойство клаузы.

Дэвид Кристал предлагает следующее определение финитности: «Финитность – это характеристика глагола или конструкции, которые могут встречаться в независимой клаузе, допускающая наличие формальных показателей времени и наклонения; противопоставляется нефинитному глаголу или конструкции, которые могут встречаться только в придаточной клаузе и которые не обладают показателями времени и наклонения; например – инфинитивы и причастия»¹ [1, с. 299].

В истории лингвистических учений сам термин «финитный» впервые встречается в «Грамматических наставлениях» Присциана (V в. н. э.). Однако рефлексия о словоизменении имеет куда более глубокие корни.

Актуальность данной работы обуславливается, с одной стороны, практическим отсутствием историко-лингвистических исследований феномена финитности, с другой – возрастаю-

щим интересом современных исследователей к проблеме. Работа, таким образом, намечает в истории лингвистических учений наиболее релевантные для изучения становления термина «финитность» концепции.

Новизна работы заключается, прежде всего, в анализе оппозиций *finitus/infinitus* и *infinitus/definitus* в «Грамматических наставлениях» Присциана Грамматика, в выделении ключевых с точки зрения исследования развития термина «финитность» историко-лингвистических концепций, а также в сравнительном анализе понимания финитности в современных формальных и функциональных лингвистических теориях.

Основным методом является диахронный анализ. При описании терминов Присциана использовался, по большей части, лингвистический метод дистрибутивного анализа.

Цель данной работы – рассмотрение истории развития представлений о финитности в лингвистических учениях.

В секции 1 рассматриваются представления о словоизменении в Древнем Вавилоне, Древней Индии и Древней Греции. В секции 2 даётся характеристика термина «финитность» в грамматике Присциана. В секции 3 описываются современные представления о финитности в лингвистической науке. Краткие итоги исследования приводятся в заключении.

1. Древние представления о словоизменении

1.1. Представления о словоизменении в Древнем Вавилоне

Период около 2000 года до н.э. в Месопотамии ознаменован существенным и резким изменением лингвистической ситуации. В это время исчезает несемитский шумерский язык, и распространяются два диалекта семитского древнеаккадского языка: ассирийский на севере и вавилонский на юге и западе. Древнеассирийский был, возможно, наиболее близок к древнеаккадскому языку (ок. III тысячелетия до н.э.). С тех пор два диалекта развивались параллельно. Из них ассирийский имел чёткие географические границы: треугольник между реками Тигр и Малый Заб, а также горами Загрос. Вавилонский же использовался на более широкой территории, особенно в древневавилонский период (ок. 1900–1600 гг. до н.э.). Письменным языком довольно долгое время оставался шумерский. Примерно к этому времени (конец III – начало II тысячелетия до н.э.) относятся древнейшие обнаруженные списки слов, коллекции фраз, а также двуязычные парадигмы глаголов. Все эти письменные памятники записаны на глиняных табличках клинописью – словесно-слоговой формой письма, воспринятой аккадцами от древних шумеров. Большинство обнаруженных документов опубликовано сегодня в так называемых «Материалах шумерского лексикона»² [2].

В этом контексте интересными представляются воззрения аккадцев на шумерский язык. Непосредственно для данной работы имеют значение представления аккадцев о словоизменении.

Необходимо отметить, что языки глиняных табличек – шумерский и аккадский – имели разные модели словоизменения. Шумерский был агглютинативным языком, то есть форманты (префиксы и суффиксы) имели, в основном, одно значение и присоединялись к корню в определённом порядке. В то время как аккадский язык (как и все семитские языки) был флективным, то есть форманты демонстрировали «смешение» (фузию) нескольких значений в одном показателе. Древние двуязычные глиняные таблички спряжения глаголов представлены парадигмально и недискурсивно. В левой части представлялись шумерские формы, в правой – аккадские. Причём каждому шумерскому форманту подбирались максимально подобный аккадский формант, и такие форманты записывались не слитно, но каждый был отделён от предыдущего и следующего пространством. Это означает, что при настолько значительной разнице структур двух языков древним состави-

телям таких парадигм неизбежно пришлось столкнуться с целым рядом трудностей. Однако важным представляется не сам факт наличия затруднений, но скорее то, каким образом древние аккадцы сумели всё же создать такого рода парадигмы.

В [3, с. 12] указывается, что по большей части, помимо сопоставления двух систем словоизменения, проблематичным также было сопоставление бинарных грамматических оппозиций: шумерской оппозиции «человеческое/нечеловеческое» (морфемы 3 л.: *-n* для всего «человеческого» и *-b* для всего «нечеловеческого») и аккадской системы рода «мужской/женский». Древние составители разрешили приведённые трудности следующим образом. Во-первых, при составлении таблиц они вообще не использовали местоимения женского рода. Во-вторых, словоформам с *-n* в шумерской части соответствовали формы с местоимённым суффиксом (аккузативным *-šū* или дативным *-šum*) в аккадской. В то время как словоформам с *-b* в шумерской части подбирались формы без упомянутых суффиксов в аккадской. Таким образом, решалась не только формальная сопоставительная задача, но также и прагматическая. Аккадские формы с местоимённым суффиксом имели определённо-личные черты, то есть соотносились с человеком. В то время как формы без таких суффиксов были неопределённо-личными, то есть очень близкими к шумерским формам с *-b* [3].

Так, например, рассмотрим строчку № 61 документа VI [2] (1).

(1) *im-ma-di-ni-ib-gar* (шумерский) ||
uš-ta-aš-ki-na-aš-šū (аккадский)

‘Кто-то с ним₁ заставил его₂ убрать это отсюда.’ («ним» и «его» относятся к разным референтам)

В анализе [3, с. 16] отмечаются следующие соответствия двух словоформ (таблица).

Таким образом, древневавилонские (аккадские) двуязычные сопоставительные (шумеро-аккадские) таблицы глагольного морфосинтаксиса оказываются удивительным образом детально проработанными, что свидетельствует о высоком уровне языковедческой грамотности их древних составителей. Составление подобных таблиц требовало значительной рефлексии о составе слова, знаний о словоизменении и словообразовании.

1.2. Древнеиндийская грамматика санскрита Панини о словоизменении

Около V–IV вв. до н.э. в Древней Индии пишет свою грамматику санскрита знаменитый Панини. Его грамматика состояла из 4 частей [4]:

Таблица

Сопоставление шумерских и аккадских глосс, приведённых в (1)

Шумерские глоссы	Аккадские глоссы
<i>im-ma</i> (<i><mma<mba=m</i> («здесь»)+ <i>ba</i> («прочь»), «отсюда»)	<i>na</i> («прочь»), <i>aš</i> («здесь»)
(<i>n</i> ₂ – опущено по фонологическим причинам) <i>di</i> (комитатив, «с (ним ₂)»)	<i>šu</i> (аккузативный местоимённый суффикс)
<i>ni</i> ₁ («его ₁ »)	<i>ta</i>
<i>b</i> (неопределённо-личный субъект «кто-то»)	<i>uš</i>
<i>gar</i> (глагол «убирать, убирать»)	<i>aš</i>
∅ (фонологический ноль для прямого объекта 3 л. ед. ч. «это»)	<i>ki</i>

1. Аштадхьяи (*Aṣṭādhyāyī*) («Восемь книг») – собственно грамматика, содержит около 4000 правил;

2. Шива-сутры (*Śivasūtra*) – специальные стихи, представляющие фонемы санскрита (способ представления алфавита). Содержат два вида элементов: анубандха (маркеры грамматических и просодических характеристик единиц) и пратьяхара (классы элементов);

3. Дхатупадха (*Dhātupāṭha*) – список около 2000 особым образом классифицированных глагольных корней, а также диакритических знаков, маркирующих их морфологические и синтаксические свойства;

4. Ганападха (*Gaṇapāṭha*) – списки лексических единиц.

В данной работе нас более всего интересует разделение лексических классов, среди прочего, на субанта (существительные) и тинанта (глаголы). А также то, что сам Панини называл «карака». Карака – это название отношений между существительным и глаголом в предложении. В некотором смысле карака – это также способность производить действие [5]. Панини выделял шесть карака [6, 1.4.24–54³]: ападана, сампрадана, карана, адхикарана, карман и картр.

1. Ападана (*āpādana*) («отрыв») – неподвижный объект, от которого происходит движение [6, 1.4.24];

2. Сампрадана (*saṃpradāna*) («дар») – тот, кому больше всего стремятся отдать [5, 1.4.32];

3. Карана (*karāṇa*) («инструмент») – то, что больше всего работает для завершения действия [6, 1.4.42];

4. Адхикарана (*adhikarāṇa*) («местонахождение») – то, что является местом действия [6, 1.4.45];

5. Карман (*karman*) («дело») – то, чего больше всего стремится достичь деятель [6, 1.4.49];

6. Картр (*karṭṛ*) («деятель») – тот, кто действует независимо [6, 1.4.54].

При этом важно уточнить, что, согласно Панини, сами карака – это содержание (значение), то есть являются идеальными объектами. Их выражениями в речи являются вибхати. Описываются сложные правила взаимодействия кара-

ка и вибхати. Так, ападана, по сути, является эквивалентом аблатива, обозначающего неподвижный объект, от которого происходит движение. Сампрадана близко к понятию дательного падежа и обозначает получателя в акте дарения и т.п. Карана соответствует понятию инструментального падежа. Адхикарана эквивалентно понятию локативного падежа. Карман примерно соответствует винительному падежу. Картр является падежом подлежащего, соответствует именительному падежу [7, с. 94]. Также в некоторых современных исследованиях грамматики Панини, например в [8, с. 146], указывается, что помимо указанных карака, вибхати могут выполнять иные синтаксические функции: комитатив, генитив/партитив, дирекционалис (аллатив направления), каузатив, компаратив, темпоралис.

В некоторых случаях вибхати обозначали не только отношения глагола и существительного, но также и существительных между собой. Так, в сутре [6, 2.3.50] сказано: «*ṣaṣṭhī śeṣe*», то есть «шестой падеж (генитив) – для всего остального» [8, с. 146]. Под «всем остальным» имеются в виду случаи, не исходящие из какой-либо карака, то есть отношения существительное–существительное.

Также в грамматике Панини выделялись глагольные показатели времени: *lan* (для аориста), *laṭ* (для настоящего), *lṛṭ* (для будущего), *lan* (для имперфекта), *liṭ* (для перфекта).

Таким образом, уже в грамматике Панини представлены подробнейшие описания системы словоизменения, обобщения эмпирических данных в виде правил, а также исчисление исключений.

1.3. Осмысление словоизменения в Древней Греции: стоики и Аполлоний Дискол

Впервые термин *γραμματικὸς* встречается в древнегреческих текстах, относимых примерно к IV веку до н.э., и означает того, кто знает буквы. Как, например, в диалогах Платона «Кратил» (строка 431e), «Филеб» (строка 18d) и «Софист» (строка 253a).

Примерно с III века до н.э. термин *γραμματικὴ* употребляется в значении, близком

к современному «филология» или «литературный критицизм» [9]. Так, у Аристарха Самофракийского ὁ ὑραγματικώτατος означает комментарии на древних авторов: Гомера, Гесиода, Геродота и др. [10].

В начале II века до н. э. значение этого термина расширяется. Так, грамматика включает в себя τεχνικόν – рассуждения об элементах, частях речи, правилах их взаимодействия и т.п. [9, с. 504; 11].

Так, например, одним из первых античных грамматиков, составивших полновесные книги, был Аполлоний Дискол. Известно четыре его главные работы: «О местоимении», «О наречиях», «О союзах» и «О синтаксисе» [12, с. 111].

До Аполлония Дискола последователи стоиков выделяли в качестве собственно глагола (*rhēma*) только инфинитив (*aparephaton*), так как он был лишён иных дополнительных значений. В то время как понимаемые сегодня как формы глагола лексемы содержали, по мнению стоиков, дополнительные значения (*paremphasis*), поэтому собственно глаголом не считались [12, с. 112]. Аполлоний же расширяет понимание глагола, добавляя формы времени и склонения. Также уточняет классификацию стоиков. Последние выделяли четыре типа глаголов: личные непереходные, личные переходные (управляющие дативом и генитивом), неличные непереходные и неличные переходные. Аполлоний дополняет эту классификацию, расширяя область личных переходных глаголов: он добавляет к ним те, который управляют ещё и аккузативом.

Аполлоний Дискол рассуждает об «определённости», которую далее будет развивать Присциан Кесарийский. В книге «О местоимениях» автор указывает, что местоимение используется «вместо имени» и имеет «определённое» лицо [9, с. 506]. Будучи употреблённым вместе с глаголом, местоимение «определяет» глагол. Таким образом, «определённый» глагол формирует (вместе с именем или местоимением) предложение. Глагол и имя (местоимения) обладают различной природой. Так, глагол есть выражение действия, а имя (или местоимение) есть выражение субстанции (οὐσία). Когда мы соединяем глагол и имя, образуя предложение, как, например, в «ἀνὴρ τρέχει» (человек бежит), то имеем в виду, что субстанция, выраженная «ἀνὴρ» (человек), вовлечена в действие «τρέχει» (бежит) [9, с. 507].

Таким образом, Аполлоний Дискол закладывает основы рефлексии о частях речи, взаимодействии имени и глагола, а также глагольных форм. Во многом опираясь на его идеи, примерно в V веке н. э. Присциан (Прискиан) Цезарийский (Кесарийский) Грамматик создаст труд «Institutiones grammaticae» («Грамматические

наставления»). Свою работу Присциан создавал в дидактических целях: для облегчения изучения латыни грекофонными жителями Византии.

2. *Finitum* Присциана

Впервые собственно термин «финитный» («определённый», «конечный», «ограниченный») мы встречаем в главе «De oratione» («О предложении») второй книги собрания трудов «Institutiones grammaticae» Присциана Кесарийского Грамматика. Присциан вводит этот термин в контексте перечисления частей речи и различения артиклей: «Secundum stoicos vero quinque sunt eius partes: nomen, appellatio, verbum, pronomen sive articulus, coniunctio. nam participium connumerantes verbis participiale verbum vocabant vel casuale, nec non etiam adverbia nominibus vel verbis connumerabant et quasi adiectiva verborum ea nominabant, articulis autem pronomina connumerantes finitos ea articulos appellabant, ipsos autem articulos, quibus nos caremus, infinitos dicebant vel, ut alii dicunt, articulos connumerabant pronomibus et articularia eos pronomina vocabant, in quo illos adhuc sequimur Latini, quamvis integros in nostra non invenimus articulos lingua...» [13, с. 54 (16: 8-16⁴)] («Согласно стоикам есть пять таких частей: имя, название, глагол, местоимение или артикль, союз. Действительно, причастия они причисляли к глаголу или же называли падежной формой глагола. И также наречия причисляли либо к именам, либо к глаголам и даже отглагольными прилагательными их называли. Артикли напротив, к местоимениям причисляли, называли их финитными, а те же артикли, которых у нас нет – нефинитными называли. Иные же говорят, что артикли местоимёнными считали и все их местоимениями называли, в чём до сих пор за ними следуют латиняне, несмотря на то, что в нашем языке мы артиклей не находим⁵).

В той же главе читаем описание различия глагола и причастия: «...Proprium est verbi actionem sive passionem sive utrumque cum modis et formis et temporibus sine casu significare. hoc habent etiam infinita, quare non sunt separanda a verbo. participium autem iure separatur a verbo, quod et casus habet, quibus caret verbum, et genera ad similitudinem nominum, nec modos habet, quos continet verbum» [13, с. 54 (18: 10-12)] («Глаголу свойственно выражать действие или пассивное, или с формами склонения и времени без падежа. Сюда же относятся инфинитные (формы), которые неотличимы от глагола. Однако же причастие можно отличить от глагола, так как оно имеет падеж, которого глагол не имеет, и род по сходству с именем, но не имеет накло-

ния, которое глагол содержит»). То есть Присциан имеет в виду, что, наряду с активными или пассивными формами глаголов с показателями наклонения и времени, есть и такие, которые неотличимы от глагола, но не имеют показателей наклонения и времени. Такие формы он называет *infinita*. По-видимому, к *infinita* автор относит и причастия, хотя и указывает, что от глаголов их отличает наличие показателей падежа.

Однако в трудах Присциана, по нашему мнению, остаётся неясным характер оппозиций «*infinitus/finitus*» и «*infinitus/definitus*». Так, например, в современной грамматической традиции существует оппозиция определённого/неопределённого артикля (вместо финитного/инфинитного).

Собственно термин *finitus*, по нашим наблюдениям, встречается в *Institutiones grammaticae* довольно редко (по сравнению с *definitus*). Так, впервые (не в качестве глагола) читатель видит его в пятой книге, в главе «*De numeris*» («О числах»). Размышляя о различии единственного числа и множественного, автор среди прочего указывает: «*Et singularis quidem numerus finitus est, pluralis vero infinitus. cum enim dico 'homo', certum est de uno dicere, cum vero 'homines', incertum est, de quot, nam a duobus usque ad innumerabiles extenditur significatio...*» [13, с. 172 (48: 23-26)] («Единственное число числительного ограничено (финитно), а множественное поистине не ограничено (инфинитно). Так, говоря «*homo*» (человек), конечно же, говорим об одном, а говоря «*homines*» (люди), неясно (о скольких говорим), потому что значение не исчислено (не определено)»). Таким образом, *finitus*, по нашему мнению, соответствует *definitus*, и, как увидим далее, отличается от последнего лишь особенностями контекстуального употребления. Так, мы полагаем, что *finitus* имеет скорее количественные характеристики, в то время как *definitus* – качественные. Под *finitus* имеется в виду ограниченность, под *definitus* – определённость. Хотя такое различие и не соблюдается систематически. Так, читая далее, находим: «*Numeros autem hae habent dictiones, quae personas quoque habent vel finitas vel infinitas, id est nomina, verba, participia, pronomina. Unde si deficiat personis verbum, deficit etiam numero, qualia sunt infinita, impersonalia, gerundia vel supina*» [13, с. 173 (49: 5-8)] («Числа и лица, имеют совместное выражение в финитных или нефинитных (формах), то есть именах, глаголах, причастиях, местоимениях. Если, например, глагол лишён лица, то он также лишён и числа и (имеет) качества инфинитного (неопределённого), неличного, герундия или супина»).

Наибольшее внимание терминам *finitus/infinitus/definitus* уделяется в восьмой книге. Так, глава «*De verbo*» («О глаголе») начинается определением глагола: «*Verbum est pars orationis cum temporibus et modis, sine casu, agendi vel patiendi significativum. hac enim definitione omnia tam finita quam infinita verba comprehenduntur...*» [13, с. 369 (1: 1-4)] («Глагол – это часть речи с временами и наклонениями, без падежа, активного или пассивного значения. Это определение (включает) все финитные и инфинитные глаголы...»).

В главе «*De modis*» («О наклонениях») восьмой книги находим: «*Modi sunt diversae inclinationes animi, varios eius affectus demonstrantes. sunt autem quinque: indicativus sive definitivus, imperativus, optativus, subiunctivus, infinitus*» [13, с. 421 (63: 16-18)] («Наклонения – это различные настроения (склонности души), разные ее (души) состояния демонстрирующие. Их пять: индикатив или дефинитив, императив, оптатив, субъюнктив, инфинит»). Как видим, среди наклонений Присциан выделяет определённое (дефинитное) и неопределённое (инфинитное). Далее автор поясняет: «*Indicativus, quo indicamus vel definimus, quid agitur a nobis vel ab aliis, qui ideo primus ponitur, quia perfectus est in omnibus tam personis quam temporibus et quia est ex ipso omnes modi accipiunt regulam et derivativa nomina sive verba vel participia ex hoc nascuntur...*» [13, с. 421 (63: 20-23)] («Индикатив, с помощью которого мы указываем или определяем то, что делается нами или другими, ставится первым, потому что он наделён (совершенен) лицами и временами (показателями грамматических лиц и времён), и поскольку от него все наклонения получают правила (образуются), и имена или глаголы производятся, а также от него происходят причастия»). В то время как «*Infinitus est, qui et personis et numeris deficit, unde ut nomen accepit infiniti, quod nec personas nec numeros definit et eget uno ex quattuor supra dictis modis...*» [13, с. 425 (69: 9-11)] («Инфинит и лиц, и чисел лишён, отчего и имена принимает инфинитные, у которых нет ни лица, ни числа, и нуждается в четырёх других упомянутых выше наклонениях...»). Таким образом, даётся (в негативной форме) и определение нефинитного (инфинитного) имени как такого, у которого нет ни лица, ни числа. Это негативное определение частично повторяет определение из предыдущей главы «*De temporibus verborum*» («О временах глагола»): «*... infinita autem nominata sunt, ut dictum est, ab eo, quod carent significatione definita tam personarum quam numerorum, sicut neutra quoque nomina appellamus ab eo, quod carent utroque genere*» [13, с. 418 (58: 17-21)]

(«...инфинитными среди имён называются те, у которых нет дефинитного (определённого) значения ни лиц, ни чисел, а нейтральными мы называем те, у которых нет ещё и рода»). Также важным, по нашему мнению, кажется различие Присцианом неличной формы и инфинитной. Так, в главе «De temporibus verborum» находим: «Impersonale autem hanc habet differentiam ad infinitum, quod infinitus altero verbo finito omnimodo eget, impersonale vero actum quidem perfectum significat per omnes modos, persona vero sola deficit...» [13, с. 413 (50: 21-23)] («Имперсонал (неличная форма) в том отличается от инфинита, что инфинит необходимо требует чередования с финитным глаголом, а имперсонал в любом случае обозначает перфектное (прошедшее) действие и лишён только лица...»).

Подобным образом, оппозиция *finitus/infinitus* встречается и у самих лиц. Так, в главе «De personis» («О лицах») восьмой книги встречаем указание: «...et prima quidem et secunda verborum personae finitae sunt, ..., tertia vero infinita est itaque eget plerumque pronomine, ut definiatur...» [13, с. 448 (101: 15-17)] (...и первое из них (из лиц) и второе глагольное лицо финитные (определённые), ..., а третье – инфинитное (неопределённое), потому что в большинстве случаев требует (наличия) местоимения, и (таким образом) определяется...).

Таким образом, у Присциана можно выделить три термина: *finitus*, *infinitus* и *definitus*. Они прилагаются к формам артиклей, существительных, глаголов, а также к числам и глагольным временам и наклонениям. При этом можно выделить две оппозиции: *finitus/infinitus* и *infinitus/definitus*. Как мы полагаем, эти термины охватывают сразу несколько семантических областей. Во-первых, они передают оппозицию определённый/неопределённый, во-вторых, ограниченный/неограниченный. В-третьих, мы также выделяем оппозицию общий/частный, где формы *infinita* являются более общими (то есть минимально маркированными), чем формы *finita* (*definita*), которые, как мы полагаем, чаще относятся к конкретному употреблению и от того более маркированы. Разумеется, анализ терминов Присциана требует проведения обстоятельного семантического исследования и, как представляется, должен обсуждаться в отдельном обстоятельном труде.

Понимание финитности как обладания определёнными показателями сохранится до наших дней и будет изучаться в контексте морфосинтаксической финитности словоформы и финитности предложения.

3. Финитность сегодня

3.1. Финитность в формальных теориях

Под «формальными теориями» в данной работе мы подразумеваем направления генеративной лингвистики Н. Хомского, появившиеся в разное время. Таковы, например, так называемая стандартная теория, теория управления и связывания, теория принципов и параметров, а также минималистская программа.

Как указывает Гульсат Айген [14, с. 63], феномен финитности включает два взаимозависимых условия: наличие субъекта в номинативе и синтаксической области, вне которой разрешаются или запрещаются синтаксические операции.

Уже в 1970-х присутствие синтаксической категории времени рассматривалось как необходимое условие финитности. В 1973 году Н. Хомский формулирует два условия: Tensed-S Condition Specified и Subject Condition [15]. Таким образом, финитность определяет синтаксическую область: время или лично-числовое согласование образуют так называемый «остров», то есть структуру, из которой передвижение невозможно. Согласование вводится как параметр финитности.

Дэвид Адгер (представитель минималистской традиции) считает, что главное в финитности не то, что это такое, но требуется ли такое понятие вообще. В случае если мы считаем его необходимым, понятие финитности в любом случае не может быть однозначно определено [16, с. 23]. Как далее указывает автор, финитность в генеративной грамматике – это свойство функциональной категории, лишь вторично выражающееся на самом глаголе. Во многом такой взгляд совпадает с положениями Луиджи Рицци [17], где предлагается структура CP. Финитность в упомянутой работе сведена к скорее рудиментарному свойству времени, наклонения и согласования. Вводя FinP (проекцию финитности), автор указывает, что она занимает самую низкую позицию во всей области CP. FinP оказывается тесно связанной с IP. Финитность предстаёт в качестве семантической переменной речевого события [finite:+/-]. Таким образом, к неинтерпретируемым признакам времени, аспекта и согласования добавляются дейктическое указание ([finite:+]) или анафорическое указание ([finite:-]).

Согласно Валентине Бианки [18] значение финитности должно пониматься с позиции темпоральных характеристик клаузы, а также в контексте определения логофорического центра клаузы. Так, характеристики нефинитной клаузы определяются через темпоральные и логофорические характеристики другой клаузы. Фи-

нитная же клауза обладает независимыми характеристиками.

Для Идана Ландау [19] финитность зависит от особых неинтерпретируемых референциальных характеристик вершин С или Т: [R: _]. То есть финитность представляет собой связь функциональной вершины клаузы и её референта (NP). По этому критерию все NP можно разделить на две группы: независимо референциальные, то есть обладающие признаком [R:+], и анафорические (местоимённые), то есть обладающие признаком [R:-]. Таким образом, клауза, вершина которой приобретает признак [R:+], является финитной. И наоборот, клауза, вершина которой имеет признак [R:-], финитной не является. Также автор указывает, что, учитывая возможность наличия в нефинитной клаузе независимо референциального субъекта (то есть при проверке признаков клаузы оказалась бы финитной), финитные клаузы всегда должны иметь проекцию FinP (разумеется, с признаком [finite:+]), в то время как нефинитные клаузы могут как иметь проекцию FinP (с признаком [finite:-]), так и быть лишёнными этой проекции вообще (то есть иметь редуцированную архитектуру).

Жаклин Корнфилт [20], анализируя финитность с позиций теории принципов и параметров, предлагает выделять синтаксический, семантический и морфологический смысл финитности. Автор разделяет традиционное понимание финитности как связь субъекта в именительном падеже и предиката, маркированного показателями времени и согласования. Оригинальная идея автора заключается в том, чтобы понимать реализацию финитности не как некий частный падеж субъекта, а как синтаксический процесс внутриклаузального лицензирования субъекта. При этом морфологическое выражение такого лицензирования может отличаться от языка к языку.

3.2. Финитность в функциональных теориях

В работе Рональда Лангакера [21] финитность определяется через присутствие, отсутствие или сочетание признаков времени и модальности. Признаки времени и модальности рассматриваются, в свою очередь, как «устройство» («device») для определения положения вещей в ситуации речевого акта.

Для Талми Гивона финитность представляет собой градуальный феномен [22]. Такая шкала финитности определяется относительно «прототипически» финитной клаузы. Под прототипически финитной клаузой понимается такое независимое утверждение, которое обладает показателями времени, аспекта, модальности,

грамматического согласования, аффиксами-номинализаторами, показателями падежа (субъекта и объекта), детерминантами, а также показателем топика.

Соня Кристофаро [23], изучая данные 80 языков, формулирует следующую иерархическую зависимость (2).

(2) Отсутствие различия между показателями времени, аспекта, модальности >>>⁶ отсутствие различий в личном согласовании; отсутствие выраженных аргументов >> падежное маркирование; отдельные формы для показателей времени, аспекта, модальности >> специальные формы личного согласования; кодирование аргументов как посессоров.

Исходя из полученных данных, автор заключает, что финитность соотносится не с грамматическими категориями, которые тем или иным образом проявляются в различных языках, а скорее с собственными, специфичными для каждого отдельного языка категориями.

Уолтер Бисанг [24] формулирует противоположное градуальному пониманию финитности мнение. Так, автор рассматривает финитность как дискретный бинарный феномен. Хотя и не отвергает полностью шкалу финитности. Для него финитность может пониматься как шкала, но только в контексте отдельных языков. «Если финитность определяется как категория, которая должна быть морфологически или синтаксически выражена в независимых или зависимых клаузах отдельных языков, то окажется, что финитность – это дискретное или бинарное явление»⁷ [24, с. 121–122]. Дело в том, что если рассматривать финитность как категорию, то для неё должно соблюдаться условие обязательного выражения грамматической категории. Таким образом, финитная клауза должна обладать такими показателями финитности, которыми не может обладать (или может, но в сокращённом наборе) клауза нефинитная. Автор подчёркивает, что финитность исполняет сугубо синтаксические функции. Она используется для указания на зависимый статус клаузы и тем самым помогает синтаксическому анализатору корректно воспринимать синтаксическую структуру высказываний. Для автора финитность не специфический, а скорее универсальный феномен.

Заключение

Таким образом, рассмотрев становление и развитие понятия «финитность», мы выяснили, что предпосылки для понимания финитности в лингвистической традиции (хотя и без употребления этого слова) можно проследить в языко-

ведческом учении Древнего Вавилона, в учениях о словоизменении первых грамматик: древнеиндийской грамматики Панини и грамматических сочинениях древнегреческих авторов, в особенности Аполлония Дискола. Особого внимания в контексте понимания финитности заслуживают древнеавилонские шумеро-аккадские сопоставительные таблицы парадигм спряжения глагола. Отдельного интереса заслуживает попытка древних составителей подобрать формантам аналитического шумерского языка максимально подобные им форманты флективного древнеаккадского языка. В грамматике санскрита Панини наиболее релевантной с позиции изучения финитности является концепция карака и вибхати, представляющая связь предиката и аргументов. Значительный вклад в рефлексию о называемых сегодня финитными и нефинитными формами глагола внесли древнегреческие грамматики, в частности труды Аполлония Дискола.

Самим же термином современная лингвистическая наука обязана римскому грамматикому Присциану, в трудах которого впервые вводится оппозиция «финитный/нефинитный». Было выделено две основные оппозиции: *infinitus/finitus* и *infinitus/definitus*. Выявлены дистрибутивные особенности терминов *finitus* и *definitus*. Краткий анализ показал, что термин *finitus* употреблялся автором в контексте количественной и качественной ограниченности, а также способствовал различению «собственно формы» и её частного выражения.

В современной лингвистике финитность понимается, с одной стороны, как обладание определённым набором признаков, как, например, лицо, число, род, время, аспект, модальность и т.д. С другой стороны – как характер связи субъекта и предиката. В формальных теориях определяется как свойство функциональной вершины. В функциональных течениях существует два основных понимания финитности. С одной стороны, отвергается универсальный характер финитности, при этом она сводится к частно-лингвистическим явлениям в отдельных языках. С другой стороны, финитность может пониматься как категория, требующая выражения и способствующая правильному восприятию синтаксических структур. В этом последнем случае финитность всё же носит универсальный характер.

Таким образом, современное осмысление финитности лежит, в основном, в области спора об универсальности этого явления.

Примечания

1. Перевод с английского автора. Оригинальный текст: «Finite characteristic of a verb or construction that

can occur on its own in an independent clause, permitting formal contrasts of tense and mood; contrasts with a non-finite verb or construction, which occurs on its own only in a dependent clause, and which lacks tense and mood contrasts; examples are infinitives and participles».

2. *Materialem zum sumerischen Lexikon*.

3. По традиции при ссылке на «Восьмикнижие» Панини указывается номер урока (1–8), номер части и номер сутры.

4. Номер абзаца: номера строк.

5. Здесь и далее перевод с латинского автора.

6. Знак '>>' означает «чаще, чем».

7. Оригинальный текст: «If finiteness is defined in terms of the categories that are to be morphologically or syntactically expressed in independent vs. dependent clauses of individual languages, it turns out that finiteness is a discrete or binary phenomenon».

Список литературы

1. Bright W. [ed]. *International encyclopedia of linguistics*. Oxford, UK: Oxford University Press, 1992. Vol. IV. 429 p. DOI: 10.1093/acref/9780195139778.001.0001.

2. Landsberger B., Hallock R., Jacobsen Th., Falkenstein A. *Materialien zum Sumerischen Lexikon IV*. Rome: Pontificium Institutum Biblicum, 1956. 207 p.

3. Huber P.J. On the Old Babylonian Understanding of Grammar: A Reexamination of OBT VI-X // *Journal of Cuneiform Studies*. USA: The University of Chicago, 2007. Vol. 59. P. 1–17.

4. Kiparsky P. On the Architecture of Panini's Grammar // In: Huet G., Kulkarni A., Scharf P. [eds]. *Sanskrit Computational Linguistics*. Berlin: Springer, 2009. Vol. 5402. P. 33–94. DOI: 10.1007/978-3-642-00155-0_2.

5. Bhatta V.P. *Epistemology, Logic and Grammar in the analysis of sentencemeaning*, South Asia Books, 1992. 361 p.

6. Ashtadhyayi. *Encyclopedia Britannica*, 2015. March 19. 1681 p.

7. Scharfe H. *Grammatical Literature. History of Indian Literature*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1977. Vol. V. Fasc. 2. P. 77–216.

8. Meenakshi K. The genitive in Panini and in Epic Sanskrit // In: Wright J. Hans Henrich Hock [ed]. *Studies in Sanskrit syntax: A volume in honour of the centennial of Speijer's Sanskrit syntax*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Pvt. Ltd, 1992. P. 145–152.

9. Schmidhauser A.U. *The Birth of Grammar in Greece // A Companion to the Ancient Greek Language*, 2010. P. 499–511. DOI:10.1002/9781444317398.ch33.

10. Pfeiffer R. *History of Classical Scholarship: From the Beginnings to the End of the Hellenistic Age*. Oxford: Oxford University Press, 1968. 330 p.

11. Blank D.L. *Sextus Empiricus: Against the Grammarians (Adversus Mathematicos I)*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 436 p.

12. Koerner E.F.K., Asher, R.E. [eds]. *Concise History of the Language Sciences: From the Sumerians to the Cognitivists*. UK: Cambridge University Press, 1995. 519 p.

13. Hertz M., Heinrich K. [ed]. *Grammatici latini: Prisciani Institutionum grammaticarum libri I–XII*, Leipzig: B.G. Teubner, 1855. 647 p.

14. Aygen G. Finiteness and the relation between Agreement and Nominative Case // In: Boeckx C. [ed]. Agreement Systems. *Linguistik Aktuell (Linguistics Today)*, 2006. Vol. 92. P. 63–98. <https://doi.org/10.1075/la.92.06ayg>.
15. Chomsky N. Conditions on Transformations // In: Anderson S., Kiparsky P. [eds]. *A Festschrift for Morris Halle*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973. P. 232–286.
16. Adger D. Three domains of Whiteness: a Minimalist perspective // In: Nikolaeva I. [ed]. *Finiteness. Theoretical and empirical foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 23–59.
17. Rizzi L. The fine structure of the left periphery // In: Haegeman L. [ed]. *Elements of grammar. Handbook of generative syntax*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 281–337.
18. Bianchi V. On finiteness as logophoric anchoring // In: Guéron J., Tasmovski L. [eds]. *Temps et point de vue (Tense and point of view)*. Nanterre: Université Paris X, 2003. P. 213–245.
19. Landau I. The scale of finiteness and the calculus of control // *Natural Language and Linguistic Theory*. Berlin: Springer, 2004. Vol. 22. P. 811–877.
20. Kornfilt J. Verbal and nominalized finite clauses in Turkish // In: Nikolaeva I. [ed]. *Finiteness. Theoretical and empirical foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 129–215.
21. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. Vol. 2: Descriptive application. 516 p.
22. Givón T. *Syntax: a functional-typological introduction*. Amsterdam: Benjamins, 1990. Vol. II. 554 p.
23. Cristofaro S. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 355 p.
24. Bisang W. Categories that make finiteness: discreteness from a functional perspective and some of its repercussions // In: Nikolaeva I. [ed]. *Finiteness. Theoretical and empirical foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 115–137.

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT «FINITENESS» IN LINGUISTICS

R. V. Sychev

The article is devoted to the history of the concept of “finiteness” and its comprehension in modern linguistics. An analysis of the most relevant sources from ancient Babylonian, ancient Indian and ancient Greek traditions to the present day is offered. In the context of understanding finiteness, the Sumerian-Akkadian comparative tables of verb conjugation paradigms are considered. In Panini’s grammar of Sanskrit the concept of connection between predicate and arguments: *karaka* and *vibhati* are analyzed. Apollonius Dyscolus’s reflection on verb forms is discussed. An attempt is made to provide a distributive analysis of the Priscian’s terms *finitus/infinitus/definitus*. It was revealed that *finitus* was used by the author in the context of quantitative and qualitative limitation, and is also intended to distinguish the “form itself” from its particular expression. The understanding of finiteness in modern formal and functional linguistic theories is also analyzed. It is concluded that modern linguistics is focused not so much on the content of the concept of «finiteness», but on its practical applicability to individual languages.

Keywords: finiteness, Panini’s grammar, Apollonius Dyscolus, Priscian’s grammar, finitus, infinitus, definitus.

References

1. Bright W. [ed]. *International encyclopedia of linguistics*. Oxford, UK: Oxford University Press, 1992. Vol. IV. 429 p. DOI: 10.1093/acref/9780195139778.001.0001.
2. Landsberger B., Hallock R., Jacobsen Th., Falkenstein A. *Materialien zum Sumerischen Lexikon IV*. Rome: Pontificium Institutum Biblicum, 1956. 207 p.
3. Huber P.J. On the Old Babylonian Understanding of Grammar: A Reexamination of OBG VI-X // *Journal of Cuneiform Studies*. USA: The University of Chicago, 2007. Vol. 59. P. 1–17.
4. Kiparsky P. On the Architecture of Panini’s Grammar // In: Huet G., Kulkarni A., Scharf P. [eds]. *Sanskrit Computational Linguistics*. Berlin: Springer, 2009. Vol. 5402. P. 33–94. DOI: 10.1007/978-3-642-00155-0_2.
5. Bhatta V.P. *Epistemology, Logic and Grammar in the analysis of sentencemeaning*, South Asia Books, 1992. 361 p.
6. Ashtadhyayi. *Encyclopedia Britannica*, 2015. March 19. 1681 p.
7. Scharfe H. *Grammatical Literature. History of Indian Literature*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1977. Vol. V. Fasc. 2. P. 77–216.
8. Meenakshi K. The genitive in Panini and in Epic Sanskrit // In: Wright J. Hans Henrich Hock [ed]. *Studies in Sanskrit syntax: A volume in honour of the centennial of Speijer’s Sanskrit syntax*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Pvt. Ltd, 1992. P. 145–152.
9. Schmidhauser A.U. The Birth of Grammar in Greece // *A Companion to the Ancient Greek Language*, 2010. P. 499–511. DOI:10.1002/9781444317398.ch33.
10. Pfeiffer R. *History of Classical Scholarship: From the Beginnings to the End of the Hellenistic Age*. Oxford: Oxford University Press, 1968. 330 p.
11. Blank D.L. *Sextus Empiricus: Against the Grammarians (Adversus Mathematicos I)*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 436 p.
12. Koerner E.F.K., Asher, R.E. [eds]. *Concise History of the Language Sciences: From the Sumerians to the Cognitivists*. UK: Cambridge University Press, 1995. 519 p.
13. Hertz M., Heinrich K. [ed]. *Grammatici latini: Prisciani Institutionum grammaticarum libri I–XII*, Leipzig: B.G. Teubner, 1855. 647 p.
14. Aygen G. Finiteness and the relation between Agreement and Nominative Case // In: Boeckx C. [ed]. Agreement Systems. *Linguistik Aktuell (Linguistics Today)*, 2006. Vol. 92. P. 63–98. <https://doi.org/10.1075/la.92.06ayg>.

15. Chomsky N. Conditions on Transformations // In: Anderson S., Kiparsky P. [eds]. A Festschrift for Morris Halle. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973. P. 232–286.
16. Adger D. Three domains of Whiteness: a Minimalist perspective // In: Nikolaeva I. [ed]. Finiteness. Theoretical and empirical foundations. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 23–59.
17. Rizzi L. The fine structure of the left periphery // In: Haegeman L. [ed]. Elements of grammar. Handbook of generative syntax. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 281–337.
18. Bianchi V. On finiteness as logophoric anchoring // In: Guéron J., Tasmovski L. [eds]. Temps et point de vue (Tense and point of view). Nanterre: Université Paris X, 2003. P. 213–245.
19. Landau I. The scale of finiteness and the calculus of control // *Natural Language and Linguistic Theory*. Berlin: Springer, 2004. Vol. 22. P. 811–877.
20. Kornfilt J. Verbal and nominalized finite clauses in Turkish // In: Nikolaeva I. [ed]. Finiteness. Theoretical and empirical foundations. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 129–215.
21. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. Vol. 2: Descriptive application. 516 p.
22. Givón T. Syntax: a functional-typological introduction. Amsterdam: Benjamins, 1990. Vol. II. 554 p.
23. Cristofaro S. Subordination. Oxford: Oxford University Press, 2003. 355 p.
24. Bisang W. Categories that make finiteness: discreteness from a functional perspective and some of its repercussions // In: Nikolaeva I. [ed]. Finiteness. Theoretical and empirical foundations. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 115–137.